

Что касается того, как заставить людей У Миньчжи подчиниться и как потом с ним быть, — это уже не было заботой императрицы У. Когда господин отдаёт приказ, слуги обязаны сделать всё возможное для его исполнения. Справившиеся тотчас получают её награду и доверие, не справившиеся — недостойны быть её слугами. Ваньэр, проведя столько времени в чертоге Цзычэнь, отлично это понимала.

Императрица У осталась довольна ответом Ваньэр и кивнула:

— Ты в последнее время утомилась, разрешаю полдня отдыха. Ступай.

Ваньэр покорно поклонилась и медленно вышла.

Не успела она вернуться в свои покои и просидеть там и четверти часа, как к ней вежливо явился распорядитель, спросив, знает ли она некоего «Чжэн двадцать седьмого».

Ваньэр ответила:

— В нашем роду много родственников, лишь по имени не узнаю. Лучше бы увидеться.

Распорядитель улыбнулся:

— Госпожа Цайжэнь рассудила верно.

И он привёл молодого евнуха, который при виде Ваньэр тут же склонился в поклоне:

— Кузина.

И добавил:

— Много лет не виделись, связь между роднёй давно прервалась. Спасибо Чжоу-гогуну, что помог узнать: ты и здесь, и стала госпожой Цайжэнь.

Ваньэр кивнула распорядителю:

— Да, это мой кузен. Мы давно не виделись, хотим поговорить. Прошу тебя, уступи нам немного времени.

Распорядитель поспешно ответил:

— Конечно, конечно.

Бросив взгляд на Чжэн двадцать седьмого, он вышел за дверь.

Ваньэр окинула Чжэн двадцать седьмого оценивающим взглядом. Этот человек ничем не отличался от тысяч других молодых евнухов во дворце — даже льстивый, заискивающий взгляд был таким же. Таких она с детства повидала немало и знала, как с ними обходиться.

Ваньэр сменила свою обычную почтительную и сдержанную манеру. Прищурившись, склонив голову набок, она оперлась одной рукой на столик, а другой принялась играть с узелком на поясе. Помолчав, наконец небрежно проговорила:

— Не бери никаких поручений. Запись в реестре оставит след. Просто сопровождай меня несколько дней, жди у входа. Увидят, что ты пришёл со мной, — лишних вопросов задавать не посмеют. Ты должен будешь выждать момент, встретить принцессу и проводить её в

последнюю палатку у ворот.

Чжэн двадцать седьмой удивился:

— Но Чжоу-гогун сказал...

— Чжоу-гогун? — Ваньэр приподняла бровь. — Чжоу-гогун просит меня об услуге, потому и послал тебя. Если хочешь удержаться в Запретном городе, это зависит от Дворцового управления и Департамента Нэйши, а не от Чжоу-гогуна.

Глаза Чжэн двадцать седьмого забегали, но через мгновение он уже улыбался:

— Сестра права, я понял.

Ваньэр сказала:

— Понял? Тогда иди.

Чжэн двадцать седьмой быстро поклонился и с той же улыбкой вышел.

Едва он скрылся, Ваньэр снова выпрямилась, приняв обычную позу. Чувствовала она себя привычно, лишь когда сидела с прямой спиной, касаясь стула лишь наполовину. Сидеть же расслабленно ей было неловко.

Жалкая жизнь.

Она усмехнулась себе, устало повалилась на кровать и закрыла глаза, но заснуть никак не могла. Слова У Миньчжи, сказанные днём, звучали в ушах, не давая покоя.

Дедушка, отец, семья Шангуань...

Ваньэр внезапно встала, переделалась в своё платье и вышла во внутренний двор. Её покои располагались близко к главному дворцу. Пройдя по узкой тропинке, она быстро добралась до задней галереи. Обойдя её, она вошла в небольшую залу, где императрица У часто пребывала для занятий письмом. Сегодня, подойдя, она заметила, что снаружи никого не было. Войдя, она увидела, что несколько служанок, заметив её, лишь молча покачали головами, не издав ни звука.

Ваньэр тихо подошла к императрице У. Та копировала каллиграфический свиток.

— Вань-цин, как тебе моё письмо? — Императрица У не обернулась, но, словно у неё были глаза на спине, сразу обнаружила присутствие Ваньэр.

Та взглянула на свиток и опустила голову:

— Моя каллиграфия несовершенна, не смею судить о почерке Вашего Величества.

Императрица У отложила кисть. Ваньэр привычно подошла, взяла её и аккуратно убрала. Когда же она двинулась, чтобы забрать и свиток, императрица У улыбнулась и спросила:

— А знаешь, чья это работа?

Ваньэр покачала головой.

Императрица У, не отрывая от неё взгляда, улыбнулась:

— Это рука твоего деда, Шангуань И. Когда Его Величество увидел его лёгкий и изящный почерк, то назначил его моим писцом. Это его «Трактат о поощрении земледелия».

Ваньэр будто громом поражённая, потерянно взглянула на свиток в своих руках. Никак не могла поверить, что это почерк её деда, и уж тем более не ожидала, что императрица У сохранит каллиграфию своего врага.

Взгляд императрицы У скользнул с Ваньэр на её собственные иероглифы, а затем на другой свиток, лежавший на краю стола. Она улыбнулась, развернула верхний из стопки, взглянула и покачала головой:

— Никакого прогресса.

Позвав служанку, она бросила свиток перед ней:

— Скажи принцессе Чанлэ, чтобы переписала.

Та тихо ответила, но лишь взяла свиток, как императрица У передумала:

— Ладно, пусть отдохнет несколько дней.

Служанка почтительно вернула свиток. Императрица У снова развернула его и, улыбаясь, сказала Ваньэр:

— Вань-цин, взгляни. Это я её заставляла и подгоняла, а вышло такое. Неизвестно, чему бы она научилась, не будь моего присмотра!

Ваньэр почувствовала, что лицо её онемело. Механически взглянув на творение принцессы Чанлэ, она с усилием улыбнулась:

— Принцесса ещё молода, рука не окрепла. Но технически уже неплохо.

Императрица У усмехнулась:

— Правда? Ты только что говорила, что каллиграфия твоя несовершенна и ты не смеешь оценивать моё письмо, а теперь уже выносишь суждения?

Ваньэр вздрогнула. Прежде чем она успела опуститься на колени, императрица У схватила её за подбородок. Та застыла на месте, не в силах пошевелиться.

— У Миньчжи ненавидит меня, ибо подозревает, что я убила его мать и сестру. А ты? Твой дед и отец действительно пали от моей руки.

— Гунь был отцом Юя. Император Шунь казнил Гуня, но возвысил Юя, и тот смог усмирить воды. — Ваньэр, вопреки всей опасности момента, казалось, обрела ещё большую ясность мысли. Глядя прямо на императрицу У, она произнесла эти слова.

Императрица У снова улыбнулась:

— Ты возомнила о себе высоко. Но какие у тебя есть достижения?

Держа Ваньэр за подбородок, она осмотрела её, словно лошадь на продаже, затем отпустила и

вернулась к столу, вновь любуясь каллиграфией её деда. Ваньэр поняла, что время колебаний прошло. Сжав губы, она тихо сказала:

— Ваше Величество правит страной уже более десяти лет. Многие в империи обязаны Вам своим возвышением и благополучием, но и те, кто пострадал от Вашего гнева, также не малочисленны. Хотя каждый из них — мелочь, но, накапливаясь, они могут стать для Вас помехой. Я полагаю, если Вы желаете долгого и прочного мира для принцессы Тайпин, Вам следует найти способ устранить их недовольство.

Императрица У взглянула на неё:

— И что же?

Ваньэр ответила:

— Все, кто приходят ко двору, ищут славы и богатства. Вы возвышаете скромных учёных, преграждая им путь к успеху, оттого они и недовольны. Если Вы покажете им свою готовность использовать их таланты, они станут наперебой стараться угодить Вам, и у них не останется времени для недовольства. А как показать эту готовность... Слышали ли Вы о том, как император Хань Гао-цзу пожаловал титул Юн Чи?

Императрица У прищурилась и усмехнулась:

— Я-то думала, ты предложишь мне выведать их истинные намерения. А ты всё сводишь к собственным выгодам. Если я предложу высокие должности и богатства, кто откажется служить? К чему тогда мне твоя помощь в демонстрации искренности?

Ваньэр спокойно ответила:

— Я, конечно, могла бы использовать гибель моего деда и отца, чтобы вызнать их истинные помыслы. Будь Вы таким же недальновидным правителем, как императоры Хань Хуань-ди или Суй Ян-ди, я бы уже предложила Вам этот способ. Но Вы — государь, пекущийся о стране, обладающий великим замыслом. Вам претят эти низменные уловки. То, о чём я говорю, — путь истинного правителя, искренность государя к слугам, Ваша решимость усердно трудиться и заложить основы новой эпохи. Выведать намерения сановников могут многие в империи, и во дворце Вашем также нет недостатка в умельцах для такого дела. Но то, что могу сделать я, — дело для опоры государя, для его ближайшего советника. Это может сделать не каждый.

Она подняла голову и, глядя на императрицу У, произнесла чётко, слово за словом:

— Я желаю поддержать Вас, создать эпоху, какой ещё не бывало в веках, свершить то, что не удавалось предшественникам.

Императрица У перестала улыбаться и подошла к Ваньэр. Все в покое уже были ею отпущены, и внутри остались лишь они вдвоём.

Ваньэр отчётливо сознавала, что делает огромную ставку.